

Василий Песков,

писатель,
лауреат Ленинской премии

Ключи от Волги

— Ну, вот и пришли. Запоминайте минуту...

Мы оглянулись. На горке виднелась деревня, мимо которой мы только что шли. За нею — дорога по освещенным солнцем холмам и еще одна кроткая деревенька с названием Вороново, а далее лес — хранитель здешнего таинства, зарожденья великой реки.

Лес вековой в полном смысле этого слова. Топор его не касался. Прорубили только дорогу, по которой когда-то ездили на телегах, но теперь дорога доступна лишь пешему. Она почти скрыта пологом елей, огромных дуплистых осин, темнотой черемухи и ольхи. Луки на этой дороге не высыхают все лето. И все кругом пронизано влагой. Шаг в сторону от дороги — под ногою, как губка, сочится мох, упавшее дерево мокро и скользко, грибы тоже какие-то водянистые, и даже позеленевший камень, кажется, будет сочиться, если как следует сжать его в кулаке.

Шумно хлопая крыльями, улетают с дороги не очень пугливые тут глухари. Часто видишь на мягкой глине четкий след лося. Отпечаток собачьего следа? Нет, это волки прошли за лесом. Леший если и водится, то, несомненно, в таких вот лесах, сырых, непролазных и старых, как сам Валдай.

Пеший путь — километров десять-двенадцать — сильное испытание всякому, кто хочет видеть, как зарождается Волга. Сама ее колыбелька, освещенная солнцем, лежит у холмов, поросших ромашками, и проходящего к ней встречают оркестры кузнечиков. Однако дорога лесом напоминает: места глухие, удаленные от сует, веками лежат они в тишине и покое. Человеку надлежит прийти сюда поклониться и тихо вернуться к шумным своим дорогам.

Размышление это, возникающее у всех, кто приходит к истоку Волги, прервет сообщением: строят сюда шоссе. Новость эта, конечно, должна быть приятна для тех, кто привык уже видеть землю свою из окна автомобиля. Однако будем уповать на мудрость тех, кто дорогу наметил: ее ни в коем случае не следует вести до истока. Владельца автомобиля надо заставить из него выйти и попутить хотя бы два-три километра идти пешком. Только в этом случае в душе его шевельнется волнение от встречи. И сам исток великой реки не потонет в бензиновой гари, в конфетных и сигаретных обертках.

Минуту, когда мы скинули рюкзаки и сели на них — оглядеться, вспоминаешь сей-

час, как зарубку на прожитом. Важная это минута, когда видишь то, о чем много раз думал, старался себе представить, к чему стремился давно и только на пятом десятке годов дошел вот сюда.

Маленький ручеек. Вода коричневая. Она не течет, а сочится из мхов, от подножия невысоких березок, ив, ольхи и болотной травы. Летают стрекозы, снуют по воде жуки-водомерки, окунек размером с мизинец полопатым тельцем жмется к тонкому стеблю водяной травки. Вода прозрачная и кажется неподвижной. Но вот ты кинул ольховый листок, и вода медленно потянула его в проход между стенками таволги и осоки. Течение есть. И течет это — Волга. Хотя странно называть Волгой ключик, который можно перешагнуть, над которым челноком, охотясь на комаров, порхает резвая трясогузка, в который издали, снизу заплывают шальные щурята и обнаруживают: пути дальше нет, тут начало реки.

Река-младенец. Через три десятка шагов пересечет ее первый деревянный мосток. Немного дальше встретит она подругу, такую же малую, как и сама, Персянку. И потечет с нею вместе.

Потом еще приток, потом озера, вытянутые по течению воды. А дальше — первые лодки, паромы, мосты, водопой, причалы и пристани, катера, теплоходы, водокачки, плотины, каналы. Отражаются в воде селения большие и малые, огромные города, шалаши рыбаков, обрывы, леса, степное небо, облака, огни. Почти четыре тысячи километров пути у реки — красавицы и работницы. А тут, в колыбельных лесах, забот у нее никаких. Полуденный сон, тихие детские шалости в камышах...

С горки от старой церкви спускается парень с ведрком.

— Для самовара?

— Для него. Заходите на чай из волжской водицы.

Заметив колебание — можно ли пить прямо тут из ключа? — парень откинул волосы и, нагнувшись, припал к воде.

— Пейте. Чистая и здоровая. Пили ее всегда. Монахи раньше считали даже целебной.

Вода отдает настоєм травы, холодная, на вкус приятная.

Кошунством кажется даже умыться в этой воде...

— Да, — соглашается парень, — родник... А между прочим, мыли в нем тут сапоги. Сейчас я вам покажу...

Он уносит ведрок в дом на горе и, вернувшись, достает из кармана погнутый черный патрон от немецкой винтовки.

— Тут, под березой, нашел. Дошли сюда. На этом месте как раз снимались — «мы у истока Волги». Дед мне рассказывал: гоготали, мыли в этой воде свои добротные сапоги. Страшно подумать, что стало бы с нами со всеми, если бы там, ниже по Волге, их не повернули...

Все, что стало великим — человеческая жизнь, река, событие, путь, творение, — всегда привлекает людей своим началом, истоком: откуда и как пошло? Если хотите узнать поэта, побывайте у него на родине, — говорил Гете.

Исток Волги люди знали давно, хотя науч-

но географы подтвердили его только в конце минувшего века. И, надо думать, величие Волги, а не свойство воды заставляло христиан-богомольцев совершать паломничество в эти глухие места, «к святому ручью».

В 1649 году указом царя Алексея Михайловича основан был монастырь, святыней которого был этот ключ, дающий начало Волге. Петр Великий, не слишком благоволивший к монастырям, этот жаловал и вниманием, и средствами, и богослужебными книгами. Однако глушь, удаленность от дорог и бедность местного люда не дали укрепить монастырю. Он захирел, и деревянные постройки за год до смерти Петра сгорели. От огня уцелела только часовенка над истоком. Паломники продолжали сюда идти, и часовенку подновляли, а когда она сильно ветшала, «на деньги, собранные в кружку», ставили новую. Нынешний домик с остроконечной крышей традиционен. На многочисленных снимках именно этот домик известен как символ начала Волги.

Домик закрыт на ключ. И эта мера оправдана. Люди бывают тут разные, и место общего поклонения должно быть в покое. Однако всякий, кто пожелает увидеть круг темной воды в полу на сваях стоящего теремка, легко может ключ получить.

«В Волго-Верховье разыщите Нину Андреевну Полякову. Ключи от домика у нее», — сказали провожавшие нас в Осташкове.

Найти старушку проще простого — в Волго-Верховье всего двенадцать домов, а Нина Андреевна — единственное «должностное лицо» в деревеньке. Зимой она расчищает дорожку к истоку, а летом, когда идет сюда много людей, ее дело — присматривать за порядком.

Нина Андреевна сгребала сено и издали нам покричала:

— Ключи от Волги (так и сказала: «от Волги») — на гвоздике возле двери. Открывайте, а я приду.

Ключ оказался на месте, и минут через пять мы стояли в домишке с непокрытыми головами.

Чистые стены, обитые лесом, полосы света через окошки, запах воды и смолы. И вот он у ног, символический круг-колодец, означающий: в этой точке начинается Волга. Аккуратный — метр в поперечнике — круг. Вода таинственно-темная. Движение родниковых струй незаметно, однако оно тут есть. В окошко видно: вода из-под домика утекает.

— Ну, помолились? — улыбается на пороге Нина Андреевна. — Не вы первые, не вы последние. Идут и идут. На горе, слышишь, погломнят, а тут как-то все утихают. Стоят и молчат.

Старуха запирает домик на ключ, черпает из ручья два ведерка воды и, охотно отдав нести их до дому одному из «паломников», продолжает рассказ-размышление:

— Разные люди. И, скажу вам, едут со всего света. Германцы недавно на кино тут Волгу снимали. Попросили цветной платочек надеть. Молодые совсем ребята, обходительные. Японцы тоже снимали. Небольшие рюсточком, шустрые, головы у всех черные. Тоже не дурные люди...

— Нина Андреевна, вы сами-то Волгу в ином каком месте видали? — спрашиваю я.

Нет, в другом месте Волгу Нина Андреевна не видала. Шестьдесят девять лет живет она тут безвыездно у истока. Схоронила умершего от ран мужа, взрастила трех сыновей.

— Виктор шофером в Нелидове, Николай в Мурманске большие электрические столбы подымает, Алексей в Баку водолазом. А я вот тоже при должности. Соберусь умирать, скажу, чтобы тут, на горке, и положили. Хочу видеть все, как сейчас вижу.

На прощание мы постояли возле дороги на теплом песчаном холме. Вечернее солнце золотило в низине верхушки леса, удивленно и радостно глядел на мир белобровый домик над родником. Одеальцем тумана накрылось узкое руслице Волги.

— Люди вот умирают, а она течет и течет... Ну, с богом. Если еще приедете — ключ на гвоздике возле двери.

Раза два мы еще оглянулись помахать старушке рукой и, как могли скоро, двинулись к лесу...

Шли потом уже в темноте с фонарем. Опять лужи, хлопанье крыльев невидимых птиц. Ярко светились, попадая в луч фонаря, соцветья таволги у дороги. Усталость скрыла на время яркие впечатления дня. Вместо них в голове почему-то всплыли и обозначились древней таинственной связью три слова: Волга, иволга, таволга. В такт шагам они повторялись, следуя друг за другом, несчетное число раз: Волга — иволга — таволга... Под музыку этих слов я, помню, и шел до ночлега.

Андрей Дементьев

ВОЛГА

А я без Волги просто не могу...
Как хорошо — малиною ранью
прийти и посидеть на берегу,
и помолчать вблизи ее молчанья.

Она меня радушно принимает,
с чем ни приду — с обидой или бедой...
И все она, наверно, понимает,
коль грусть моя уносится с водой.

Как будто бы расслабленная ленью,
течет река без шума, без волны.
Но я-то знаю, сколько в ней волненья
и сколько сил в глубинах тишины.

Она своих трудов не замечает.
Суда качает и ломает лед.
И ничего зазря не обещает,
и ничего легко не отдает.

Мне по душе и тишь ее, и гам.
Куда б меня судьба ни заносила,
я возвращаюсь к волжским берегам,
откуда начинается Россия.